
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

УДК 34(091)

ББК 67.3

DOI 10.22394/1682-2358-2019-1-78-87

V.V. Bushuev, *Candidate of Sciences (Philosophy), Foundation of Saint Andrew the First-Called (email: priem@fap.ru)*

NATIONAL IMAGES OF HISTORY IN THE CONSTITUTIONS OF THE WORLD

The approaches to presenting the history of the world's states in the texts of constitutions existing in the world practice are considered. The main components of the schematic reflection of the historical process are revealed. The scheme of representation of the national past in the nineteen constitutions of the countries of the world is presented directly.

Key words and word-combinations: constitution, history, historical policy, national state, ideology.

В.В. Бушуйев, *кандидат философских наук, директор Фонда Андрея Первозванного (email: priem@fap.ru)*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ИСТОРИИ В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН МИРА

Аннотация. Рассматриваются существующие в мировой практике представления об истории государств мира в текстах конституций. Выявляются основные составляющие схематического отражения развития исторического процесса. Формируется схема репрезентации национального прошлого по девятнадцати конституциям стран мира.

Ключевые слова и словосочетания: конституция, история, историческая политика, национальное государство, идеология.

Актуальность заявленной темы определяется широким дискурсом по проблематике исторической политики (или «политики национальной памяти») [1–3]. История, помимо познавательной функции, как наука обладает также определенными социальными функциями, важнейшая из которых — репрезентация соответствующего государства. Проблеме репрезентации государственных режимов отводится в

последнее время значимое место в научном дискурсе. Катализатором этого дискурса применительно к историческим нарративам явилось издание монографии Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии» [4].

Существуют различные форматы исторической репрезентации государства, один из возможных — тексты конституций. Конституции в настоящее время отсутствуют лишь в нескольких странах, что объясняется приоритетностью традиции (Великобритания, Канада, Новая Зеландия, Швеция, Израиль, Саудовская Аравия). В этом отношении конституционный формат репрезентации может быть позиционирован сегодня как универсальный.

Идентифицируется два типа конституций. Первый представляет собой конституционные тексты как юридизированный документ с минимальным содержанием идеологических апелляций. Для такого формата конституций обращение к историческому прошлому в целом не характерно. Отсутствие или минимизация исторического нарратива не дает оснований утверждать, что соответствующая конституция хуже, чем те, в которых этот нарратив присутствует, а позволяет отнести ее к другому типу политической культуры.

Второй тип конституций условно может быть определен как аксиологический. Ему, наряду с собственно юридическими положениями, присуще определенное представление о базовых ценностях и смыслах соответствующего государственного устройства. Одной из важнейших составляющих данного типа конституции является обращение к историко-генезисным основаниям репрезентуемого государства. Как правило, такая историческая апелляция содержится в преамбулах конституций [5; 6].

В конденсированном историческом нарративе наглядно проявляется выбор той или иной версии мировой истории. Национальная история встраивается в мировую в качестве ее осевой компоненты. Основными сюжетными линиями исторического нарратива конституционных текстов является следующее: образование национального государства; национально-освободительная борьба; социальная революция; борьба с внешними противниками. Все эти составляющие, представляя прошлое, в конституциях выражают сакральную матрицу исторического сознания соответствующего социума, «священную историю» народа. Закрепленность ее на уровне конституции, как основного закона, позволяет защищать сакральные страницы истории и сакрализованных исторических героев от дискредитации.

Обращение в текстах конституций к историческим персоналиям предполагает наличие общественного консенсуса в отношении признанных в качестве отцов-основателей соответствующей нации или соответствующего государства в его современной фазе существования. Исторические образы в конституциях — культурные герои и связанные с ними ценности и идеи — воспринимаются базовыми для данного общества.

Рассмотрим наиболее яркие примеры преломления исторического нарратива в текстах национальных конституций. Цель такого рассмотрения — соотнесение представления версий истории с политикой репрезентации государств мира, осуществляемой ими исторической политикой.

В версии устремленности от «темного прошлого» к «светлому будущему» представлен исторический нарратив в конституциях с заявляемой идеологией построения социалистического / коммунистического общества. Главным образом представляемая в них история выражена через тему борьбы в рамках осуществления великого социального проекта. Как правило, социальная борьба дополняется тематической компонентой национальной борьбы против сил империализма.

Конституция СССР 1977 г. презентовала советский этап истории человечества. Несформированность собственного советского исторического нарратива отражалась, соответственно, и в отсутствии представления об истории в более ранних конституционных текстах — Конституции РСФСР 1918 г., Конституциях СССР 1924 и 1936 гг. Единственной исторической апелляцией Конституции 1924 г. можно условно считать указание, что при капитализме на протяжении десятков лет национальный вопрос остается нерешенным и находит свое разрешение только с создания советского государства. Зато Конституция СССР 1977 г. давала развернутое изложение истории СССР на фоне всемирной истории. В событийный исторический перечень были включены Великая Октябрьская социалистическая революция, Гражданская война и иностранная военная интервенция, послереволюционные социально-экономические преобразования, Великая Отечественная война, построение «развитого социалистического общества». Из исторических персоналий упоминался только В.И. Ленин. Октябрьская революция преподносилась в конституционном изложении как «всемирно-исторический поворот от капитализма к социализму». Советское государство позиционировалось в качестве государства «нового типа». Подчеркивалось, что социалистическое общество создавалось в СССР впервые в истории человечества. Указывалось на значение победы Советского Союза в Великой Отечественной войне для мира в целом — развития социализма, демократии, национального освобождения. В целом через советский исторический нарратив в качестве определяющей проводилась идея, что именно СССР является двигателем мирового исторического процесса. В использовании категорий капитализм, социализм, коммунизм проявлялась приверженность формационной схеме рассмотрения исторического процесса [7].

В отличие от советского конституционного изложения истории в *Конституции КНР* излагается не только послереволюционная, но и дореволюционная история страны. Историческое изложение начинается с 1840 г. — даты начала Первой опиумной войны. Указывается, что с этого времени Китай был превращен в полуколониальное государство. Пять раз в тексте подчеркивается, что старый Китай являлся феодальным государством. Наряду с феодализмом врагом революции называются в Конституции КНР империализм и бюрократический капитализм. В отличие от советской Конституции, в которой разработчик счел возможным дать только одну историческую фигуру — Ленина, в китайском конституционном тексте сразу три — Сунь Ятсен, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин. Помимо социалистической революции 1949 г., признавалась и важная роль Синьхайской революции 1911 г. В применении к периоду руководства КПК Мао Цзэдуном указывалось на факт совершения определенных ошибок, которые преодолевались по мере строительства китайского социализ-

ма. Вооруженные конфликты, в которые вступал Китай уже после революции 1949 г., в том числе конфликт 1969 г. с СССР, обозначается таким образом, что китайский народ и Национально-освободительная армия КНР «одержали победу в борьбе против агрессивных и подрывных действий, вооруженных провокаций империализма и гегемонизма». Под понятием «гегемонизм», отделяемом от империализма, который согласно ленинской теории связывался с развитием капитализма, содержался намек на СССР. В целом обращает на себя внимание выстроенность преемственной линии исторического развития китайского социалистического проекта, в рамках которой нашлось место и Сунь Ятсену, и Мао Цзэдуну. Такой преемственной линии, как известно, не удалось выстроить в советском изложении исторического процесса, с характерным для него купированием периодов [8].

Историческая часть *Конституции Кубы* представляет этапы борьбы кубинского народа против сил колониализма и империализма. Первым этапом в качестве завязки истории определяется борьба аборигенов — индейцев, которые, как сообщается в конституционном тексте, «предпочли быть истребленными, но не покорились». Следующий этап — борьба рабов, поднимавших восстания против власти господ. К третьему этапу относятся войны кубинского народа против испанского владычества 1868—1898 гг. Достигнутая на этом этапе победа была отнята у кубинцев в результате «осуществленной империализмом янки интервенции и военной оккупации». Пятидесятилетняя борьба против империалистического господства, завершившаяся победой Народной революции в январе 1959 г., составляет содержание четвертого, наиболее сакрализованного этапа. В Конституции Кубы заявляется о решимости народа вести и «дальше победоносную Революцию Монкады и «Гранмы», Сьерры и Хирона». Содержится здесь упоминание и марксистско-ленинских идей, которыми руководствовались революционеры, и помощь, оказанная Кубе со стороны Советского Союза. Пятым этапом, согласно выстроенной логике репрезентации современного кубинского государства, является этап построения социалистического общества, как прыжок от колониального прошлого в «царство свободы». Из исторических персоналий в Конституции Кубы названы Хосе Марти и Фидель Кастро. Цитатой из Марти как моральным императивом для кубинцев и завершается преамбула Конституции страны [9].

Конституция Вьетнама открывается обращением к тысячелетней истории вьетнамского народа. Но основное акцентированное содержание исторического нарратива — история, связанная с деятельностью Хо Ши Мина, включающей основание компартии, национальную освободительную борьбу, войны против внешней агрессии. Как особо славные свершения указываются непосредственно две военные операции — победа в 1954 г. над французской армией в битве при Дьенбьенфу и победа, достигнутая в 1975 г. в ходе реализации операции «Хо Ши Мин». Применительно к теме революционной борьбы указывается на несколько ее этапов — национально-освободительную фазу, национально-демократическую фазу, фазу построения социалистического общества. Поздней инкорпорацией в Конституцию Вьетнама явилось положение о начавшемся с 1986 г. и инициированным VI Съездом Коммунистической партии Вьетнама процесс «обновления страны». При этом при-

нципиально важно, что современный этап позиционируется как исторически преемственный по отношению ко всем предыдущим этапам и определяется прежней стратегией построения социализма на основе марксистско-ленинской идеологии и идей Хо Ши Мина [10].

Заметное отличие имеют конституции ряда восточноевропейских государств от «шаблонных» конституций стран Западной Европы, которое проявляется как раз в акцентированности исторического нарратива. Акцентированное обращение к истории определялось задачами легитимизации суверенитета новой посткоммунистической государственности. Суверенитет обосновывался именно за счет апелляции к национальным формам государственного существования в прошлом.

Череда форм государственного существования хорватского народа как обоснование исторического права на государственный суверенитет представлен в преамбуле *Конституции Хорватии*. В этом перечне: хорватские княжества VII в.; средневековое государство Хорватии, основанное в IX в.; королевство Хорватии, учрежденное в X в.; хорватской государственности в хорватско-венгерской личной унии; Хорватии в составе империи Габсбургов; Королевства Хорватии и Славонии в составе Австро-Венгрии; Хорватии в состав Королевства словенцев, хорватов и сербов; бановина Хорватия в королевстве Югославии; хорватского государства периода Второй мировой войны; Народная Республика Хорватия и Социалистической Республики Хорватия в составе СФРЮ. Особо обращает внимание включение в этот перечень усташского государства, созданного под немецко-итальянским патронажем в 1941 г. Обнаруживался и антибелградский вектор, задаваемый контекстом принятия Конституции страны. Подчеркивалось, в частности, что хорватский Сабар никогда не санкционировал создания Королевства Югославии. Хорватско-сербская война 1991–1995 гг. позиционируется как война Отечественная, что не может не вызывать диссонанса с традиционным для российской традиции пониманием отечественных войн в качестве всенародного сопротивления внешним завоевателям, но никак не этническое противоборство [11].

Своеобразный и небесспорный исторический концепт заявляется в *Конституции Польши*. Суть его состоит в выдвигании версии о преемственном по отношению друг к другу существовании трех польских республик. В качестве первой республики позиционируется Речь Посполитая, второй — польское государство 1918–1945 гг., третьей — современная Польша. Обращает на себя внимание целевое исключение из этого нарратива советской Польской Народной Республики. Характерно, что ст. 13 Конституции Польши наряду с установлением запрета на идеологии фашизма и нацизма, устанавливает запрет и на идеологию коммунизма. Три польские республики в современной польской литературе часто также позиционируются и как три Речи Посполитые [12]. Пример Конституции Польши дает яркую иллюстрацию того положения, что, если в одних случаях государственная историческая политика ориентирует на идею непрерывности национальной истории, то в других — ее фрагментарности и отбора периодов под заданный идеологический образ [13].

Формирование подобного подхода прослеживается и в более ранней Конституции Польской Республики, принятой в апреле 1935 г. Ее ключевым тези-

сом в исторической репрезентации было воскрешение Польши после времен государственного небытия: «Воскресшее благодаря борьбе и жертвам лучших своих сынов, оно в ходе истории должно передаваться от поколения к поколению», — декларировалось в первой статье Конституции Польской Республики 1935 г. [14, с. 225].

Конституция Словакии, в отличие от большинства конституций, обращающихся преимущественно к событийной канве современной истории, апеллирует к средневековым образам. Из конкретных исторических образов в ней содержится две апелляции — к духовному наследию Кирилла и Мефодия и к историческим заветам Великой Моравии — раннефеодального славянского государства IX — начала X в. При этом речь идет не просто о дани памяти, а об исторических заветах Великой Моравии, то есть неких ценностно-смысловых принципах, адресуемых потомкам. Идентификация Словакии с Великой Моравией вызывает вопросы и в связи с территориальными рамками великоморавского государства, простиравшегося, помимо словацких, на территории современных Чехии, Венгрии, Малой Польши, части Украины и Силезии [15].

К созданному в Средние века Литовскому государству, равно как ко всем Литовским статутам и Конституциям Литовской Республики, обращается в обосновании легитимизации современной национальной государственности *Конституция Литвы*. Опыт истории в ней представлен как защита свободы, независимости, сохранение национального духа, родного языка, письменности и обычаев [16].

Конституции ряда государств постсоветского пространства выдвигают концепт исторически прерванной суверенной государственности. Субъектом, прервавшим историю национального государства, позиционируется СССР. Соответственно, новые, образованные после распада СССР государства, заявляют о своем преемстве по отношению к государствам, возникшим на фазовом переходе между Российской империей и Советским Союзом, но ни в коем случае ни к советским республикам. Так, *Эстонская Конституция* обращается как к источнику легитимизации к самоопределению Эстонии в феврале 1918 г. [17]. *Конституция Грузии* акцентированно обращается к принципам грузинской Конституции 1921 г. [18].

Концепция построения национального государства предполагает в том числе и закладку исторических оснований для его создания. Такими основаниями могут являться, во-первых, выводимые издревле государственные истоки суверенного существования и, во-вторых, великие свершения предков в прошлом. Обе эти компоненты логично встраиваются в тексты конституций. Историческая часть в этом случае служит средством легитимизации государства — нации.

Своеобразным панегириком Кемалю Ататюрку выступает *Конституция Турции*. Его имя шесть раз упоминается в конституционном тексте, что является рекордом в отношении исторических персоналий, упоминаемых в национальных конституциях. Образ Ататюрка соотносится с заявляемой в Конституции Турции ценностной повесткой гражданского национализма [19].

Борьба с колониализмом и его последствиями определяет основное содержание исторического нарратива *Конституции Мьянмы*. Конституционный

текст открывается с обращения к «глубоким и выдающимся историческим традициям», существованию единого независимого суверенного государства в прошлом. Основной исторической драмой определяется утрата в 1885 г. мьянмским народом суверенного существования в результате колониального вмешательства. Развернувшаяся антиколониальная борьба, стоящая многих жертв, завершилась восстановлением в 1948 г. национального суверенитета. Последующее историческое развитие определялось перерастанием национально-освободительного движения в движение демократическое, как логическое следствие восстановления суверенных потенциалов страны [20].

Четыре этапа истории фиксируются в историческом нарративе *Конституции Лаоса*. В фокусе первого этапа находится образование в XIV столетии древнейшего лаосского государства королем Фа Нгума. Второй этап датируется началом XVIII в. и определяется внешними завоеваниями и десоверенизацией Лаоса. При этом подчеркивается героическое сопротивление в борьбе лаосцев за независимость и свободу. На третьем этапе эта борьба под руководством коммунистической партии Индокитая и народно-революционной партии Лаоса вышла на принципиально иной уровень и завершилась освобождением страны и созданием в 1975 г. Народно-демократической республики Лаос. Четвертый, современный этап, характеризуется как наступление новой эры — «эры независимости страны и свободы людей» [21].

Исторические апелляции, связанные, с одной стороны, с национально-освободительным, а с другой, с демократическим движением содержатся и в *Конституции Кореи*. Корейская Конституция выводит истоки легитимизации с «незапамятных времен», воздерживаясь при этом от конкретной датировки или конкретизации древних государственных образований. Национально-освободительная компонента истории акцентируется в корейской Конституции обращением к антияпонскому восстанию 1919 г. Демократическая компонента выражается в ссылке на апрельское восстание 1960 г., в результате которого произошло свержение режима Ли Сын Мана, и позиционируемое в Конституции страны как «восстание против несправедливости» [22].

Стремление заявить свою национальную историю в качестве осевой истории человечества прослеживается в ряде конституций стран Востока. Развернутое изложение истории Египта на фоне мировой истории предлагает, в частности, последняя *Египетская Конституция*. Египет в ней так и позиционируется в качестве «сердца мира». Открывается исторический нарратив апелляцией к созданию в долине Нила первого в истории человечества централизованного государства, поразившего мир чудесами цивилизации. С Египтом связывается в предлагаемой конституционной версии зарождение всех трех авраамических религий — иудаизма, христианства и ислама. Последующими вехами истории Египта определяются в Конституции создание Мухаммедом Али египетского государства в девятнадцатом столетии, антибританская национально-освободительная борьба, восстановление суверенитета при Гамале Абделе Насере. Заявляется об одержанных египтянами великих победах над внешними врагами — под руководством Насера и в дальнейшем — под руководством Садата. Характерно, что в мире военные операции времен Насера и особенно Садата

не принято оценивать в качестве египетских побед. Завершается историческая канва сюжетной линией о революции 2011–2013 г. Эта революция позиционируется как открытие новой эпохи в истории человечества, явления всемирно-исторического значения [23].

Однозначным позиционированием своей страны в качестве ядра мирового цивилизационного генезиса начинается историческая репрезентация *Конституции Ирака*. В единый исторический нарратив, помимо мусульманской истории, включается и история Древнего Междуречья. Такое объединение исламской истории с условно языческим периодом истории вызывает, как известно, большую полемику в мусульманском мире. Тем не менее, начиная с цитаты из Корана, далее Конституция Ирана позиционирует иракцев как людей Междуречья. Сообщается, что именно Ирак явился исторически колыбелью цивилизации. Мировое историческое значение Ирака раскрывается через дарование человечеству арифметики, алфавита, первого закона. «В нашей нации, — утверждает в преамбуле иракской Конституции, — была установлена эра самого справедливого правосудия среди прочих наций». От достижений древней цивилизации далее перекидывается мост ко дню сегодняшнему, кульминацией которого представляется свержение режима «деспотической банды» 2005 г. Перечисляются репрессии, осуществленные режимом, говорится о страданиях народов. Исторический процесс предстает, таким образом, в следующей схематической развертке: древняя великая история — историческое безвременье — открывающаяся перспектива возрождения [24].

С тезиса о национальной истории как истории непрекращающейся борьбы открывается *Конституция Алжира*. «Его история, — заявляется с первых строк конституционного текста, — это длинная цепь сражений за свою независимость, которые навечно сделали Алжир землей свободы и благородства». Точкой исторического отсчета алжирской истории определяется Нумидийское царство. Древняя история соединяется с историей исламского Алжира. Войны, которые исторически вел алжирский народ преподносятся как онтологические, и их смысл раскрывается в борьбе «против его культуры, ценностей и основных составляющих его идентичности». «Величайшим взлетом алжирской истории» позиционируется в Конституции создание в 1954 г. Фронта национального освобождения, начавшего борьбу за национальное освобождение. Жертвы, принесенные в борьбе за свободу и суверенитет, сакрализуют исторически, сообразно с Конституцией, современное независимое алжирское государство [25].

Конституция Ирана дает детализированное изложение истории борьбы имама Хомейни против тиранического шахского режима. Разоблачается «Белая революция» 1963 г. — реформы шаха Мохаммеда Реза Пехлеви как усиление зависимости Ирана от сил международного империализма. Заявляется об антииранском американском заговоре, реализованном в шахское правление. В художественно-эмоциональных красках описывается народная борьба против тирании, говорится о жертвенном подвиге иранских шахидов. Историческое значение революция 1979 г. раскрывается в ее исламском характере, чем она отличается от прежних революций — антидеспотической и национально-освободительной направленности. Конечная цель этого исторического поворо-

та видится в том, чтобы прийти к Богу. Исторический процесс оказывается сопряжен с идеалами Божественного устройства жизни. В конституционном объяснении развертки истории прослеживается преломление философии Провиденциализма, что позволяет отводить Конституции Ирана особое место в тематике конституционных исторических репрезентаций [26].

Определенная апелляция к прошлому содержится и в *Конституции Российской Федерации*. Законодатель избежал в данном случае исторической конкретизации, что, очевидно, определялось ситуацией раскола в историческом сознании российского социума на фазе перехода от советской к постсоветской модели. Конституция РФ, декларируя многонациональный характер российского государства, ссылается на исторически сложившееся государственное единство народов России. Память предков называется в качестве одной из основ легитимизации Российского государства. Неоднозначное отношение вызывает сегодня положение преамбулы о возрождении суверенной государственности России. Из него, с точки зрения отдельных экспертов, следует отрицание российской суверенности применительно к советскому периоду истории. Это положение наглядно иллюстрирует политический контекст принятия Конституции РФ 1993 г., когда еще были свежи в памяти обстоятельства противостояния советского и российского руководства, выразившиеся, в частности, в принятии в 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР [27].

Вероятно, для ситуации начала 1990-х годов с вероятными перспективами гражданской войны и территориального распада принятие более определенных версий истории на уровне Конституции могло бы иметь дезинтеграционные последствия. Сегодня при достигнутой консолидации российского общества требуется уже принимаемая в качестве национального консенсуса единая версия исторической репрезентации России. Соответственно, в случае разработки новой Конституции РФ, что не следует исключать ввиду изменившихся мировых политических реалий, будет, вероятно, артикулирован запрос и на репрезентуемую официально версию российской и всемирной истории.

Конституционные тексты, как показывает проведенный обзор, часто используются в мировой практике в качестве одного из средств государственной исторической политики. Закрепленные на уровне основного закона положения в представлении национальной истории становятся матрицей формирования исторического сознания народа. Эти положения составляют канву того, что определяется в качестве «священной истории» нации. С опорой на конституцию они защищаются от пропагандистских информационных атак и козунственных действий.

С учетом достаточной распространенности исторического нарратива в текстах конституций государств мира они могут служить источником для понимания позиционирования государств в преломлении к прошлому. С одной стороны, конституции, содержащие исторический нарратив, оказываются историографическим источником, так как задают матрицу официальной версии национальной историографии. Другим их источниковедческим значением является возможность их рассмотрения как политологического феномена в контексте понимания национальной государственной исторической политики.

Если понимать национальную идею как выражение отношения нации к

прошлому, настоящему и будущему, то без компонента истории ее генерирование оказывается невозможным. Конституционный формат исторической репрезентации государства достаточно распространенный, но не единственный. От особенностей политической культуры зависит в значительной степени выбор этих форматов, но сама по себе репрезентация истории со стороны государства объективно необходима для обеспечения национального существования.

Библиографический список

1. *Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011.
2. *Вяземский Е.Е.* Историческая политика государства, историческая память // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 89–97.
3. *Дюков А.Р.* Историческая политика или историческая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133–148.
4. *Уртман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I; Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004.
5. *Багдасарян В.Э.* Аксиология Конституции / Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской Конституции: сборник научных статей. Орел, 2013. С. 50–61.
6. *Багдасарян В.Э.* Конституции постсоветских государств с позиции обеспечения государственного суверенитета // Вестник МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2015. № 2. С. 19–31.
7. *Кужушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской Конституции. М., 1987.
8. Конституция Китайской Народной Республики // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 3: Дальний Восток. М., 2010. С. 209–258.
9. Конституция Кубы. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=1248>
10. Конституция Социалистической Республики Вьетнам // Конституции государств Азии: в 3 т. М., 2010. Т. 3. С. 99–146.
11. Конституция Республики Хорватия. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=107>
12. III Речь Посполитая (с 1989 по н.в.). URL: <http://polandinfo.ru/Container/Details/996>
13. Конституция Республики Польша. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=112>
14. Конституции буржуазных стран. Т. 1: Великие державы и западные соседи СССР. М.; Л., 1935.
15. Конституция Словацкой Республики. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=110>
16. Конституция Литовской Республики. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=115>
17. Конституция Эстонской Республики. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=105>
18. Конституция Грузии. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=130>
19. Конституция Турецкой Республики. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=84>
20. Конституция Республики «Союз Мьянма» // Конституции государств Азии: в 3 т. М., 2010. Т. 3. С. 547–664.
21. Конституция Лаосской Народно-Демократической Республики // Конституции государств Азии: в 3 т. М., 2010. Т. 3. С. 297–322.
22. Конституция Республики Кореи // Конституции государств Азии: в 3 т. М., 2010. Т. 3. С. 977–1010.
23. Арабская Республика Египет. Конституция 2014 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=1013>
24. Конституция Республики Ирак // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1: Западная Азия. М., 2010. С. 181–224.
25. Конституция Алжирской Народно-Демократической Республики. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=53>
26. Конституция Исламской Республики Иран // Конституции государств Азии: в 3 т. М., 2010. Т. 1. С. 225–274.
27. Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Герб Российской Федерации. Флаг Российской Федерации. М., 2009.